

Они мчались долгие часы, не говоря друг другу ни слова. Сакура была слишком зла, чтобы разговаривать. Обычно ее гнев был вербальным и интуитивным, быстро приходящим и быстро уходящим — но не в этот раз. Саске пытался заставить ее отказаться от этой миссии. Он подверг сомнению ее способности перед Хокаге, словно она все еще была бесполезной девчонкой, вечно нуждающейся в спасении.

Девушка знала, что она больше не тот ребенок, что был бременем ее команды. И думала, что он тоже знал это и ценил ее навыки шиноби. Может, она провела слишком много времени, присматривая за своими генинами и исцеляя сломанные руки жителей деревни, чтобы парень вспомнил женщину, коей она была на войне: воительница, спасшая его жизнь. Или, может, проблема была в том, что Саске был человеком, практически полностью сотканным из своего прошлого, и когда он смотрел на нее, то все еще видел глупую маленькую девчушку, сходящую по нему с ума. Человеком, которого больше волновали ее длинные волосы, чем ее становление сильной куноичи.

Теперь Сакура бежала вслед за ним, на полметра отставая, ведь темноволосый был все еще быстрее нее — и ее злило только то, что как бы усердно она не тренировалась, он всегда был на шаг впереди.

Просторы за пределами Конохи были полны зелени. Непроходимый лес между Страной Огня и соседними странами, прерываемый только парочкой фермерских городков и безымянных деревень. Они обогнули эти места, продолжая свой путь все западнее-западнее-западнее, пока не достигли границы. Солнце село, превращая темнеющее небо в яркое полотно из красок. Золотых, оранжевых и темно-красных, хорошо знакомых каждому шиноби.

— Нам нужно найти место для ночлега, — произнес Саске. Это были первые слова, сказанные им с тех пор, как они покинули офис Наруто.

Она не была уставшей. Потной, грязной, измученной, но не уставшей.

— Давай продолжим путь, — покачала головой Сакура. — Мы доберемся к полуночи, если...

— Нет, — решительно ответил Саске. Он привык добиваться своего, привык делать то, что хотел, не обращая внимания на других. Настоящий эгоист — но сегодня она была не намерена прощать его недостатки.

— Я пошла. Можешь оставаться здесь или же пойти со мной, — и, отвернувшись от него, девушка повернулась на запад и продолжила бежать.

— Сакура! — она услышала, как он последовал за ней, и почувствовала, как его пальцы сжали ее руку, заставляя остановиться. Парень держал ее крепко, но недостаточно сильно, чтобы причинить боль; другой рукой он взял ее за плечо, и в его прикосновении был необыкновенный трепет. Нежность контрастировала с каменным выражением лица и резкостью в голосе. — Ты никуда без меня не пойдешь.

Смена тона мешала розововолосой отстраниться. Она почему-то знала, что это был не приказ — обещание.

С момента их последней совместной ночи внутри нее царила пустота, однако на мгновение, будучи пойманной в его объятия, боль утраты рассеялась. Сама того не желая, розововолосая поддалась ему, и, прежде чем успела взять себя в руки, Саске приблизился, обнимая ее тело. Сакура вдохнула знакомый запах, пьянящий аромат, который утешал, пробуждал желание в ее животе даже здесь, даже сейчас.

Куноичи прижалась к его груди, безмолвно прося отпустить ее. Сначала его хватка стала лишь крепче — Сакуре показалось, что парень будет продолжать обнимать ее, но затем он отпустил ее и отступил.

— Ты боишься? — спросил темноволосый.

— Это не первая моя такая миссия, Саске.

— Наруто часто отправляет тебя на такие задания? — нахмурился он.

— Нет, Наруто так не делал, но Цунаде-шишо давала парочку. Знаю, что она не была в восторге от этого, однако она отказывалась относиться ко мне иначе, чем к другим куноичи, лишь потому что я была ее ученицей.

Сакура вспомнила, как это было в первый раз. Ей было семнадцать, война закончилась всего несколько месяцев назад, и она так нервничала, что чуть не потеряла контроль над своим дзюцу превращения прямо перед своей целью.

— Идем, — произнесла она, и они побежали дальше. Снова воцарилось молчание, но тишина между ними теперь была компанейской, без всяких обид.

Тосогава была всего в тридцати двух километрах к северу от Амегакуре, и к тому времени, как они достигли окраины города, Саске уже весь промок. Дождь лил с почерневшего неба, непрерывный ливень перемежался вспышками молний и раскатами грома. Леса вокруг были пышные, густые, с множеством укрытий, через которые можно было исследовать Тосогаву и найти лучший вход.

Сакура остановилась у старого клена и сняла рюкзак, говоря:

— Мне нужно переодеться.

Парень повернулся к ней спиной. Он старался не вслушиваться в то, как девушка снимала с себя майку, шорты и обувь — однако все равно слышал, думая лишь о ней, обнаженной, всего в

полуметре от него. Через минуту девушка сказала ему, что он может повернуться; сделав это, он обнаружил, что она изменилась не только в одежде. Длинные волосы упали ей на спину — теперь они были каштанового цвета, а не розового. Губы стали полнее, нос более тонким, а скулы выше. Парень также заметил, что у нее немного уменьшился лоб. Лишь глаза остались какими были.

Учиха подозревал, что Сакура не только скрывала свою личность, но и хотела сделать себя более привлекательной, однако ей это не удалось. В ее дзюцу не было недостатков; проблема просто была в том, что Харуно являлась поразительно красивой девушкой, и любое изменение в ее внешности могло сделать ее менее привлекательной, чем раньше.

— Хорошее преобразование, — произнес он.

— Спасибо.

Саске сложил печати для своей собственной трансформации — собака, кабан, баран — и сфокусировался на том, чтобы принять вид продавца фруктов, которого видел на улицах Конохи.

Девушка мягко улыбнулась — даже на ее чересчур пухлых губах это сразу выдавало ее.

— Я знаю господина Ягути, — сказала она. — Я покупаю помидоры у него для тебя. Он приятный человек.

На ней была голубая хлопковая юката, а на ногах — пара гэта. Конечно, девушка могла бы изменить свою одежду и лицо, однако она выполняла самый минимум перевоплощения, без сомнений, дабы сохранять чакру и легче поддерживать дзюцу.

— Готов? — спросила она.

Саске кивнул, и они направились к городу. Деревянные сандалии Сакуры проваливались в мягкую землю с каждым шагом; она выругалась, когда одна из гэта застряла. Девушка вытащила ногу из грязи, стряхнув ее, и продолжила идти.

Тосогава была отталкивающим и индустриальным городом, состоящим из торчащих труб, ржавых вывесок и стальных зданий, связанных кабелями. Уменьшенная версия Аме — только без шиноби, — такая же дождливая и такая же мрачная. Согласно директиве миссии, «Золотой Лотос» находился на Кину Роуд в самом центре города, поэтому Саске и Сакура проследовали по широкой дороге, ведущей на север. Несмотря на погоду и поздний час, улицы были полны людей. Повсюду публичные дома, ломбарды и игорные дома. Металлические решетки скрывали двери и окна квартир. Женщины с размалеванными лицами стояли на каждом углу, фальшиво улыбаясь и заманивая мимо проходящих мужчин.

Сакура взяла его за руку.

— Ненавижу такое.

Саске это тоже не особо нравилось, и чем больше времени уходило на поиск «Золотого Лотоса», тем больше у него возникало соблазна забрать Сакуру и вернуться обратно в Коноху — к черту задание. Темноволосый никогда раньше не отказывался от миссий, но он не желал, чтобы Сакура еще хоть на минуту оставалась в этом захудалом городе.

Они повернули на Кину Роуд.

— Вот, — девушка указала на знак с нарисованным на нем желтым цветком на черном фоне. — Это здесь.

Учиха отпустил ее ладонь и схватил за руку.

— Готова?

Она кивнула, и он повел ее в бордель.

Волосы и одежда Сакуры промокли, а ступни были в грязи. Теперь она была рада, что приложила столько усилий к своему лицу, ведь все ее тело перепачкано.

По крайней мере, в «Золотом Лотосе» было тепло и сухо; долгожданная передышка после проливного дождя на улице.

Подошел невысокий мужчина, одетый во все черное.

— И что это? — спросил он.

— У меня имеется новый персик для твоего босса, — ответил Саске.

Мужчина в черном осмотрел ее с головы до ног. Его глаза — узкие и хищные — задержались на ее груди, к которой прилипла влажная ткань юкаты.

— Позови Хамасаки. Он захочет увидеть это, — мужчина дал указ юной девушке, нет, девочке. Под плотным слоем макияжа и красным кимоно скрывался ребенок не старше пятнадцати лет.

Сакура не любила убивать: это не вызывало у нее азарта или возбуждения, которые, как она слышала, описывали некоторые шиноби, — но ей казалось, что убивать Хамасаки Хару будет

очень даже приятно.

Девочка вернулась через пять минут с высоким широкоплечим мужчиной, таким же большим, как когда-то был Джирайя. Он совсем не оправдал ожиданий розововолосой: она думала, что Хамасаки будет таким же отвратительным, как и его «делишки», но вместо этого он оказался молодым и красивым, с короткими темными волосами и черными глазами с длинными ресницами. При других обстоятельствах она бы нашла его привлекательным, но, зная, что он делал с женщинами, трудно было скрыть отвращение.

Хамасаки разглядывал ее, наполовину оценивающе, наполовину похотливо. Сакура опустила голову, пытаясь выглядеть скромно, но он взял ее за подбородок и приподнял лицо, дабы лучше рассмотреть.

— Очаровательная, — произнес он. — Я никогда раньше не видел глаз такого цвета.

Затем он просунул руку под ее юкату и схватил за грудь. Не задумываясь, девушка оттолкнула его. Хамасаки, оступившись, выпрямился и ударил ее наотмашь.

Сакура отшатнулась; голова закружилась от пощечины, и ей пришлось сосредоточиться, чтобы сохранить маскировку. Дзюцу превращения чуть не соскользнуло, однако у нее был практически идеальный контроль чакры, поэтому ей удалось сохранять фальшивые черты лица.

Саске стоял рядом с ней совершенно неподвижно и безмолвно, но она чувствовала его гнев так, словно он показал его.

— Так ты, значит, крепкий орешек, — сказал Хамасаки. — Мне такие не нравятся. Я предпочитаю, чтобы мои девочки были податливые и согласные на все.

Тогда, возможно, тебе не стоит их насиловать.

Хамасаки повернулся к Саске, спрашивая у него:

— С чего бы отказываться от такой красоты?

— Я насытился ею, — спокойно ответил Учиха. — И деньги мне нужны больше, чем какая-то шлюха.

Хамасаки кивнул.

— Как же тебя звать, дорогуша?

— Ю, — промолвила Сакура.

— Слишком просто. Мы назовем тебя Маяко, — Хамасаки щелкнул пальцами, и к нему подошла девушка в красном кимоно. — Отведи ее в ванну: от нее пахнет так, как будто она была в дороге. Но без косметики. Я хочу, чтобы ее лицо было чистым.

Девушка низко поклонилась, затем обратилась к Сауре:

— Следуй за мной.

Две женщины, слишком старые и невзрачные для проституток, пришли к розововолосой в ванную. Они вымыли ее волосы, налили душистых масел в горячую воду и потерли ей спину. Это было приятно после долгого дня в дороге, и, если бы она не была так зла, ей бы это даже понравилось. Персик, красотка, дорогуша, шлюха. Она устала оттого, что ее воспринимали как объект, а не как человека, да и щека все еще болела от удара, нанесенного Хамасаки.

Они одели ее в зеленую шелковую одежду — слишком откровенную, чтобы ее можно было носить вне спальни — и подали ей невинно выглядящую чашечку чая, которую, понадеялась Сакура, ей не придется пить.

— Я не хочу пить.

Одна из старух, похожая на бабушку, нежно улыбнулась ей:

— Не волнуйся, дорогая, это всего лишь жасмин.

Сакура не любила цветочные ароматы, но она узнала запах, потому что и ее мать, и Ино обожали его. От чая пахло жасмином, не более того.

В Конохе она приняла противоядие, которое нейтрализовало большинство ядов, как и перед любой опасной миссией. Женщины странно смотрели на нее, поэтому Сакура, дабы не вызывать подозрений, сделала один глоток жидкости, надеясь, что противоядие защитит ее, если в напиток добавили какие-то наркотики.

Девочка в красном вернулась со словами:

— Пойдем со мной, Маяко, — и повела Сакуру через два лестничных пролета. На верхнем этаже борделя были комнаты побольше, просторнее — она проводила Сакуру в самый большой и лучший из них. Розововолосая куноичи почти не обратила внимания на деревянную мебель и позолоченные зеркала, только на большую кровать с балдахином, достаточно широкую, чтобы на ней с комфортом разместилось человек шесть.

Оказавшись в одиночестве, Сакура выполнила дзюцу заглушки, заглушая звуки в комнате, чтобы никто не смог услышать, что происходит внутри. Таким образом, если в ее схватке с Хамасаки что-то пойдет не так, его люди не побегут наверх, дабы помочь ему.

После этого девушка присела в ожидании своей цели — это длилось так долго, что она успела устать, чувствуя во всем теле тяжесть и вялость, а перина под ней так и манила прилечь. Возможно, Саске был прав и им следовало найти ночлег на ночь. Если бы куноичи послушалась его, то смогла бы поспать прямо сейчас. «Всего на минуту», — подумала она, позволяя себе упасть на мягкое покрывало.

Девушка лежала там, полусонная, такая уставшая, что еле слышала звук открывающейся двери. Она заставила себя сесть, однако комната кружилась.

Чай. Должно быть, в нем было что-то седативное, лишаящее ее возможности сопротивляться. Ей ни в коем случае не следовало его пить. Ей нужно было бросить чашку в лицо старухе. Требовалось столько энергии, сколько у нее было, чтобы сохранить дзюцу трансформации, дабы поддерживать свою поддельную внешность.

Хамасаки сейчас был здесь, и у нее не было времени избавиться от психолептиков в ее организме так же, как когда она удаляла весь яд Сасори из Канкуро.

— Теперь ты выглядишь поспокойнее, — произнес он. — Хорошо.

Он сел рядом с ней на кровать и провел пальцами по ее волосам. Последним мужчиной, касавшимся ее таким образом, был Саске, но Сакура откинула эту мысль. Хамасаки поцеловал ее, и она почувствовала вкус мяты на его языке — но это чувство было настолько тусклым, словно она далеко. Как будто это происходило с какой-то другой девушкой.

Однако прежде всего она была шиноби Конохи, и когда мужчина толкнул ее вниз, прижимая к кровати, единственное, на что девушка обратила внимание — танто, который крепился к его бедру. Она должна была подыгрывать ему, отвлекать, и как бы отвратительно для нее это ни было, Сакура ответила на поцелуй, проводя руками по его груди, а затем под его рубашкой. Когда она схватила его за бедро, Хамасаки резко вдохнул и прикрыл глаза.

Сейчас.

Девушка выхватила танто из кобуры и нанесла удар ему в спину. Она нацелилась на его левую почку, но наркотик все еще замедлял ее действия — она знала, что промахнулась. Хамасаки вскрикнул и оттолкнулся от нее. Сакура позволила себе расслабиться: теперь не было необходимости в маскировке, ведь ее цель будет мертва через минуту — и сфокусировала свою чакру по всему телу, восстанавливая себя. Ее сила не будет чудовищной, особенно когда приходилось бороться с действием седативного средства, однако она все равно будет сильнее Хамасаки.

Его глаза расширились, когда он увидел ее новую внешность, и она могла с уверенностью сказать, что мужчина узнал ее. Хамасаки слез с кровати, начиная делать ручные печати для дзюцу, которого Сакура не знала. Она отпрыгнула от него, но это было бессмысленно, потому что через мгновение комната наполнилась водой. Куноичи погрузилась в воду, не успев что-либо сделать, чувствуя невыносимый холод. Сакура держала рот закрытым, но в этой воде было что-то неестественное, отчего у нее перехватило дыхание. Она задышалась, захлебывалась, пока ее легкие переполнялись жидкостью.

И тут — Хамасаки. Второй раз в жизни Сакура почувствовала острую боль от лезвия, скользящего по мягкой коже ее живота.

Что-то было не так. Саске не слышал ни криков, ни звуков дзюцу, разрушающих верхний этаж борделя, но каким-то образом он знал, что миссия провалилась.

Хамасаки попросил подождать в общей гостиной, сказав, что он щедро заплатит ему, если «новый персик» ему понравится. Темноволосый устал сидеть, поэтому он поднялся по лестнице, минуя людей Хамасаки, как будто их там и не было.

На втором этаже один мужчина схватил его.

— Босс сказал тебе оставаться на месте.

Саске ударил его по лицу, достаточно сильно, чтобы убить — и тот упал на пол, потеряв сознание. Учиха взял катану, что была у мужчины, и продолжил подниматься по лестнице. Меч был далеко не так хорош, как его собственный, но грех было жаловаться.

На третьем этаже было слишком тихо. Настолько тихо, что он слышал собственные шаги: легкую поступь ниндзя по твердой древесине.

Саске открыл дверь по середине — и полилась ледяная вода, разливаясь по коридору и стекая по лестнице, как водопад. Он ворвался в спальню с катаной наготове и увидел Сакуру, обхватившую руками шею Хамасаки. Она повернула ее один раз вправо, и чужая голова крутанулась на его плечах. Учиха услышал отвратный хруст ломающихся костей, а затем из глаз Хамасаки пропал хоть какой-то намек на сознание. Девушка отпустила его, и мертвец безвольно упал на пол, как марионетка с перерезанными нитками.

Он видел разную Сакуру: куноичи, целительницу, наставницу, любовницу. Но ни разу в роли убийцы, и Саске не совсем понимал, как к этому относится.

Мгновение девушка стояла над телом, спокойная и хладнокровная, собранная, как любой другой хорошо обученный шиноби после убийства. Но спустя миг она пошатнулась. Темноволосый бросился вперед, ловя ее прежде, чем она успела грохнуться на пол, и замечая кровь. У нее была глубокая рана — парню необязательно было быть ниндзя-медиком, дабы

понимать, что в таком состоянии она ни в коем случае не может отправляться в Коноху.

— Ты сможешь вылечить это? — спросил он.

Куноичи кивнула, натягивая шелковую ночную рубашку и кладя трясущиеся руки на порез. Саске наблюдал, как ее кожа медленно срасталась, и твердил себе, что это совершенно не смахивало на его сон. Сакура жива — так и будет впредь.

Он услышал шаги на лестнице. Четверо, может, пятеро.

— Оставайся здесь, — произнес парень. — Продолжай лечить себя. Я позабочусь о них.

Учиха выловил их на верхней части лестничной площадки. Они превосходили его по численности, однако это были лишь головорезы с ножами, а не шиноби из скрытой деревни. Это действительно было несправедливо, но справедливость — это не то, что волновало ниндзя. Саске выполнил ката, которое он хорошо знал, и мужчины попадали один за другим. Никому из них даже не удалось нарушить его дзюцу превращения. Он избегал наносить смертельные раны там, где мог, но один глупец продолжал лезть к нему, и у Саске не было другого выбора, кроме как отрезать чужую руку, в которой был кунай. Мужчина с криком упал на пол, а из культи его правого запястья хлынула кровь.

Саске почистил свою катану, убрал ее в ножны и вернулся к Сакуре.

Она вновь изменилась: длинные волосы, пухлые губы, более пышные формы — и Саске был благодарен за то, что у нее осталась энергия для перевоплощения. Если она могла поддерживать такое дзюцу, значит, могла бежать.

— Нам нужно идти, — сказал он.

— Да, — ее голос был хриплым, а она — вся в крови и в воде, дрожащая и белая как полотно, но в ее глазах была решимость, которую он прекрасно знал.

Они прошли мимо искалеченных мужчин на полу, большинство из которых были слишком слабы, чтобы шевелиться. Сакура взглянула на мужчину с культей вместо руки, но ничего не сказала. Точно так же, как он ничего не произнес о мертвом мужчине в комнате, что была уже позади них.

Клиенты баловались с проститутками на своих коленях в общей гостиной. Они обратили внимание на окровавленных Саске и Сакуру, но никто не попытался их остановить. Девочка в красном кимоно держала голову опущенной, прижимаясь спиной к стене, словно надеясь слиться с обоями. Когда они прошли мимо нее, Саске кинул:

— На твоём месте я бы убирался отсюда. Сейчас же.

Однако это было не совсем так. Если бы он был на ее месте, то давно бы прикончил Хамасаки.

Снаружи Тосогава была такой же уродливой, как и в полночь, когда лил ледяной проливной дождь.

— Давай выбираться отсюда, — пробормотала Сакура.

Саске последовал за ней по Кину Роуд, а затем по улице Сузаку. На юго-восток, в сторону Конохи. Домой.

<http://tl.rulate.ru/book/58659/1502567>